УДК 902

М. Н. Екеев

Горно-Алтайский государственный университет
ул. Ленкина, 1, Горно-Алтайск, 649000, Россия
E-mail: mns@gasu.ru

ГОРНЫЙ АЛТАЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Социально-экономические преобразования, происшедшие в России после отмены крепостного права, оказали свое влияние и на развитие ее национальных окраин. Не стал исключением в этом плане и Горный Алтай, административно-территориальное устройство которого на рубеже XIX–XX вв. заметно видоизменилось. Это связано было, в первую очередь, с землеустроительными работами, проведенными в крае в два этапа (I – 1902–1908 гг.; II – 1911–1913 гг.). В ходе их старые «алтайские кочевые волости и дючины» уступили место сельским обществам и крестьянским волостям. К 1916 г. число последних достигло в Горном Алтае 19 [1. С. 92]. Увеличилось за это время и его население: с 1899 по 1912 г. оно выросло с 45,8 тыс. до 74,7 тыс. чел. Среднегодовой его прирост составил 4,2 %. Если брать во внимание кочевые волости и дючины, то здесь прирост составил 2,7 %, а по крестьянским волостям – 10,8 % [2. С. 16–17]. Следует отметить, что в алтайских волостях и дючинах население росло, главным образом, за счет естественного прироста, в крестьянских же волостях – в основном за счет притока переселенцев из других районов страны. Особенно это было характерно для предреволюционного четырехлетия (1912–1916 гг.). За это время население Горного Алтая выросло еще на 11,8 % (с 74,7 тыс. до 83,5 тыс. чел.). Однако темпы среднегодового прироста населения (по сравнению с предыдущими годами) снизились и составили всего 3,0 % [1. С. 102]. Здесь, и в этом, вне всякого сомнения, «повинны» в первую очередь отрицательные последствия Первой мировой войны: на фронт ушла значительная часть взрослых мужчин, война ухудшила общее положение населения, что и повлекло снижение рождаемости.

Если говорить о национальном составе жителей Горного Алтая на рубеже XIX–XX вв., то надо отметить неуклонный рост населения всех национальностей: алтайцев, русских, казахов и др. Так, с 1897 по 1912 г. численность алтайцев возросла с 35,2 тыс. до 43,2 тыс. чел., или на 22,7 %, русских – с 9,7 тыс. до 30 тыс. (т. е. в 3,1 раза) и казахов – с 1,2 тыс. до 1,5 тыс. чел. (т. е. почти в 1,3 раза) [2. С. 36–37]. За этот же период заметно изменилось и соотношение основных национальностей. С 1897 по 1912 г. удельный вес алтайцев снизился в общей массе населения Горного Алтая с 76,4 до 57,8 %, а русских, наоборот, возрос с 21 до 40,2 % [3. С. 197–223]. Это был непосредственный результат более высокого уровня и естественного, и механического прироста русского населения.

Несмотря на происшедшие изменения, население Горного Алтая сохранило, правда ненадолго, свою сословную «неизменность». Коренное алтайское население семи дючин, четырех «черневых», двух чуйских, двух кумандинских и Кондомо-Шелкальской волостей продолжало по-прежнему значиться в разряде «кочевых инородцев», а жители управ (главным образом, кумандинцы и телеуты) – в разряде «оседлых инородцев». Однако после административных преобразований 1912–1913 гг. все кочевое алтайское население было переведено в категорию оседлых «инородцев». Местное же русское население в основной своей массе состояло в «крестьянском» сословии и лишь небольшая его часть – в «мещанском», «купеческом» и «духовном». Особую категорию населения составили русские старожилы Уймонской управы: они были приписаны к сословию «оседлых инородцев».

Исходя из этого 81,3 % всего учтенного в 1896 г. населения Горного Алтая составили «инородцы» (кочевые и оседлые), 14,6 % – «крестьяне», 2,6 % – «мещане (в основном выходцы из г. Бийска)», 1,2 % – «отставные военные чины» и остальные (0,3 %) составили «духовенство», «дворянство», «почетные граждане» и т. д. Спустя шесть лет, данный «расклад» заметно изменился. Особенно сильно видоизменились первые две категории. Так, «инородцев» значилось в 1912 г. 62,5 %, или на 18,8 % меньше, чем в 1896 г., «крестьян» – 32,3 %, т. е. на 17,7 % больше, «мещан» – 2,4 % (меньше на 0,2 %) , «отставных чинов» – 2,4 %, или наполовину больше, выросла за шесть лет и доля духовенства (0,2 % всего населения) [1].

В связи с последним нельзя не сказать о составе населения Горного Алтая по конфессиональному признаку. Согласно официальным данным, в 1899 г. 60,3 % всего учтенного в ре-

[1] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 177. Л. 8–9.

ISSN 1818-7919. Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Том 6, выпуск 1: История
© М. Н. Екеев, 2007

гионе населения были христианами, в том числе 52 % – православные (русские и крещенные алтайцы), 8,3 % – старообрядцы и 39,7 % – «идолопоклонники». К числу последних относились преимущественно алтайцы. Спустя три года, указанное соотношение заметно изменилось: в 1912 г. христиан стало 67,2 %, «идолопоклонников» – 31 %. Кроме них, в регионе появилась небольшая группа мусульман (1,8 %), преимущественно из казахов – жителей Второй Чуйской волости [2].

Говоря о религиозных воззрениях населения Горного Алтая, нельзя не отметить и определенную трансформацию в «культах» алтайцев. И связана она была с «бурханизмом», или «белой верой» (по-алтайски «ак јан»). Наиболее зримо это движение заявило о себе в мае-июне 1904 г. Состоявшемуся тогда в долине Теренг (около Кырлыка) массовому молению алтайцев был характерен отказ его последователей от шаманских и разнообразных родовых культов и «кровавых жертв» и от христианства, т. е. отказ крещенных алтайцев от него, и признание ими «белой веры». В результате этого удельный вес «идолопоклонников (бурханистов и шаманистов) в общей массе алтайцев возрос в 1911–1912 гг. до 51,1 %, а доля крещенного населения сократилась с 51,4 % (в 1899 г.) до 48,9 % [3]. Подобная «метаморфоза» в религиозных воззрениях алтайцев, естественно, не прошла мимо внимания официальных властей. В 1911–1912 гг. при учете населения по вероисповеданию, «идолопоклонники-шаманисты» были учтены ими отдельно от «идолопоклонников-бурханистов» (удельный вес последних, согласно официальным данным, составил 10,2 % от всего алтайского некрещенного населения) [4].

Различия в сословной и конфессиональной структурах русского и алтайского населения нашли свое выражение и в их культурно-бытовом укладе и образе жизни. К примеру, значительная часть алтайцев вела в то время полукочевой образ жизни. Чтобы подтвердить это, обратимся к свидетельствам о формах поселения и жилищах населения края. Они же вместе со сведениями о размерах посевов и сенокосов позволяют достаточно наглядно проследить динамику изменения соотношения оседлого и кочующего населения и масштабы распространения оседлого образа жизни среди алтайцев.

Согласно переписи населения 1897 г., в Горном Алтае было учтено 582 населенных пункта (80 сел – деревень, поселков, заселков, 44 заимки, 86 аилов – мелких оседлых селений, и 377 стойбищ – кочевий, урочищ). Все учтенные поселения, за исключением стойбищ, являлись вполне оседлыми. В первой группе, т. е. в селах, проживало 43,6 % всего населения Горного Алтая, в том числе 28,3 % алтайцев, во второй – 0,2 (0,2 % алтайцев), в третьей – 1,2 (0,9) и в четвертой группе поселений – 55 % населения, в том числе 70,6 % алтайцев [3. С. 197–223]. Приведенные цифры наглядно свидетельствуют, что основная масса русского населения Горного Алтая (97,8 %) проживала в конце XIX в. в селах и деревнях, в то время как преобладающая часть алтайцев (около 71 %) – в стойбищах, ведя полукочевой образ жизни. Кочевничество было характерно для алтайцев семи дючин (78,6 % населения) и двух Чуйских волостей, а также казахам [3. С. 282–283]. Однако в начале XX в. вышеуказанные поселения начинают видоизменяться, что в полной мере отразила и перепись 1916 г. Согласно ей, в крае имелось 495 населенных пунктов, в том числе 235 сел (поселков, деревень), 58 аилов, 40 заимок, 32 арендных участка (селений крестьян-арендаторов кабинетских земель), 13 хуторов и 117 «урочищ» (долин, логов), в пределах которых имелись мелкие сезонные поселения кочевников [1. С. 94–96]. Сравнение данных 1897 и 1916 гг., позволяет видеть известное сокращение общего числа населенных пунктов Горного Алтая (на основе уменьшения количества «урочищ» и аилов в силу укрупнения поселений скотоводов в ходе землеустройства 1911–1913 гг.). Нельзя не заметить и качественных сдвигов в структуре поселений. Так, в 1916 г. ведущее место, по сравнению с прошлым, стали занимать села, поселки (аилы) и деревни. Они составили 59,2 % всех селений. В них проживало около 71 % всего населения, а по «урочищам» – лишь четвертая часть (25,2 %) [1. С. 92–102]. Как видим, накануне 1917 г. облик Горного Алтая определялся не мелкими кочевьями скотоводов, а широкой сетью сел, деревень и поселков.

Изменения в их формах были связаны, прежде всего, с переходом алтайцев к оседлому образу жизни. О динамике его можно судить по материалам 1902 и 1908 гг. Согласно административному учету населения 1902 г., из 51,5 тыс. жителей 60,2 % жили в оседлых, а 39,8 % – в полукочевых селениях. Если исключить из общей массы населения края жителей крестьянских волостей, то оставшееся население (кочевых волостей, дючин и управ) – 41,1 тыс. – распределится следующим образом: оседлое составляет 50,2 % и кочевое – 49,8 % [5. С. 549–579]. Следует отметить, что последний показатель не совсем точен, поскольку он был выведен на основании данных учета «кочевников» шести алтайских дючин (без первой) и двух Чуйских волостей. Более полный учет был произведен в 1908 г. Согласно ему, доля оседлых алтайцев состави-

[2] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 439. Л. 2–5.
[3] Там же. Ф. 3. Оп. 71. Д. 3. Л. 1–2.
[4] Там же. Ф. 234. Оп. 1. Д. 177. Л. 9.

ла 53 % всего обследованного алтайского населения и кочевого – 47 % [5].

Анализируя эти данные, можно констатировать, что в начале XX в. динамика перехода алтайцев к оседлому образу жизни была достаточно интенсивной и накануне Первой мировой войны по меньшей мере половина алтайского населения проживала оседло. Этот вывод подкрепляют и сведения об изменении форм алтайских жилищ.

Общеизвестно, что основной формой жилища местных аборигенов являлась юрта. Это подтвердила и перепись 1897 г. Согласно ей, на ее долю падало 88,4 %. В то же время перепись зафиксировала и заметное распространение у алтайцев, особенно в черневой зоне, изб и домов (11,6 %) [5. С. 278–286]. К 1908 г. их удельный вес возрос до 18,5 %, а юрт снизился до 81,5 %. При этом абсолютное преобладание получили деревянные юрты (агаш айыл, чадыр айыл), доля же войлочных юрт не превышала 4 % [6].

Убедительным свидетельством распространения оседлости среди алтайцев служит и степень развития у них земледелия и сенокошения. Перепись 1897 г. зафиксировала, что алтайские хозяйства засеяли в тот год 2 948 дес., а спустя 11 лет – уже 4 950 дес. [6. С. 294–302]. Иначе говоря, удельный вес беспосевных хозяйств снизился (в общей массе алтайских хозяйств) с 1897 по 1908 г. с 51,1 до 47,4 %. То же самое произошло и с хозяйствами, не имевшими сенокосов: их доля снизилась с 3,9 до 3,4 % [6. С. 228]. В то же время в 1908 г. заметно возрос размер пашни, приходившейся на одно земледельческое хозяйство. Так, если в 1897 г. на него приходилось в среднем 1,1 дес. посева, то в 1908 г. – уже 1,4 дес. То же самое произошло и с заготовкой сена: она возросла (в расчете на одно алтайское хозяйство) в указанные годы со 196 до 257 копен сена [7].

Таким образом, основываясь на анализе вышеприведенных материалов, можно однозначно констатировать, что в конце XIX – начале XX в. Горный Алтай являл собой малонаселенную и слаборазвитую в экономическом плане национальную окраину Российской империи, которая активно осваивалась переселенцами, главным образом, из европейской части страны. Их приток (в совокупности с естественным приростом) способствовал тому, что за 20 лет (с 1897 по 1916 г.) численность населения Горного Алтая возросла почти в 2 раза. Приток переселенцев предопределил, в известной степени, и социальный состав его населения. Вплоть до октября 1917 г. в его структуре преобладало крестьянское население (95–96 %), что дает все основания называть Горный Алтай по социальному облику населения «крестьянским краем», хозяйственное, социально-экономическое и культурное развитие которого было еще впереди.

Список литературы

1. *Алтайско-Томская* часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. Томск, 1927.

2. *Памятная* книжка Томской губернии на 1913 г. Томск, 1913.

3. *Записки* Русского Географического Общества по отделению статистики. СПб., 1911. Т. 11, вып. 2.

4. *Этническая* история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. по этнографии. Омск, 1984.

5. *Памятная* книжка Томской губернии на 1904 г. Томск, 1904.

6. *Швецов С. П.* Горный Алтай и его население. Барнаул, 1901. Т. 2.

Материал поступил в редколлегию 17.10.2006

[5] РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 92. Л. 225.
[6] Там же. Л. 227–228.
[7] Там же. Л. 228.